

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Исп)-445.13
Р84

Mairena Ruiz
Tormenta de magia y cenizas

Переводчики: Екатерина Раскатова, Николина Порохина
Редактор: Александра Горбачева

Руис, Майрена.

Р84 Буря магии и пепла / Майрена Руис. — М.: Альпина Паб-
лишер, 2025. — 496 с.

ISBN 978-5-9614-9547-8

Страна Оветта разделена на две непримиримые части. Юг почитает магию как природный дар и призывает обращаться с ней бережно. Север, напротив, настаивает на неограниченной свободе магических практик, включая самые опасные.

Дочь северянки и южанина Айлин Данн везде чувствует себя чужой, но не примыкает ни к одной из сторон. Стремясь завершить диссертацию, девушка обращается за помощью к Лютеру Муру — скандально известному северянину, изгнанному со двора. Его пристрастие к темной магии отталкивает Айлин, но чем ближе она знакомится с Муром, тем сильнее размывается грань между допустимым и запретным.

Когда занятия с Лютером приносят первые результаты, девушка узнает тайну, грозящую разжечь войну. Перед Айлин встает нелегкий выбор: кому доверять и как сохранить хрупкий мир?

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Исп)-445.13

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ, для частного или публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

© Mairena Ruiz, 2020
Represented by Tormenta www.tormentallibros.com
Иллюстрация на обложке © Саша Камова, 2025
© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО «Альпина Пабlishер», 2025

1

Я не чувствовала себя счастливой, когда лето закончилось. Ничего такого, не то чтобы я грустила — я старалась наслаждаться каждым днем, но не могла не думать о том, что готовит мне будущее. Я смотрела в окно поезда, наблюдая, как равнины, покрытые виноградниками, сменяются небольшими рощами, и размышляла обо всем, что может измениться в ближайшие месяцы.

Мой двоюродный брат Лиам заснул рядом со мной, несмотря на грохот и шум поезда, везущего нас в столицу. Но даже если бы он не спал, я бы вряд ли рассказала ему обо всем, что гложет меня. Пятнадцать лет — достаточный срок, чтобы забыть? Мне едва исполнилось семь, когда закончилась Война Двух Ночей, но я все еще помнила страх, который не покидал нас ни на день в те времена. Я не понимала, почему все должно было измениться именно сейчас, когда жизнь шла гладко, когда правительство поддерживало мир в Оветте и за ее пределами.

— Мама, почему поезд не едет до Оливареса? — спросил мальчик, сидевший напротив меня.

Он болтал в воздухе тощими ногами, не достающими до пола. Его мать держала на коленях небольшую дощечку со стопкой листов и делала пометки ручкой.

— Потому что поезд курсирует по стране только с Юга на Север, пересекая ее посередине, — объяснила ему она, прочерчивая в воздухе причудливую линию ручкой. — Примерно вот так. Иногда он немного отклоняется от курса, чтобы проехать мимо больших деревьев.

— Но почему нет другого поезда, идущего до Оливареса? Почему мы должны ехать до Кабриэля на лошадах?

Я поднесла руку к лицу и снова уставилась в окно, пряча улыбку, пока мать переводила дух, чтобы вновь пуститься в объяснения:

— Потому что для того, чтобы поезд ехал, нужны древесина, вода и... магия. Все это перемешивается, и поезд двигается вперед. Если бы поездов было больше, пришлось бы тратить больше древесины, а деревья не могут расти так быстро, и дожди не могут лить вечно, чтобы напитать их влагой.

— Но в мире полно деревьев и воды.

— Но мы используем их и для других целей. Мы строим дома, согреваемся в холодную погоду, поливаем поля...

— А почему бы тогда не использовать побольше магии?

— Джош, — устало выдохнула женщина.

Услышав тон матери, мальчик замолчал, разочарованно тряхнув головой. В отражении я увидела, как женщина украдкой указала на меня, и мне стало неловко.

Поезд начинал свой путь в самой южной точке страны; жители этих краев носили одежду из простых тканей — хлопка и льна, землистых, зеленоватых и оранжевых тонов. Эти люди работали в поле, жили скромно и тихо, и одеяния их были под стать такому образу жизни — неприхотливы в уходе и удобны.

Моя же юбка, хотя и из хлопка, была ярко-лавандовой, а блузка с короткими рукавами сияла белизной. Неважно, что на ногах у меня были старые ботинки из грубой кожи, а волосы спадали на плечи по-деревенски небрежно. Просто увидев цвета моей одежды, женщина напротив поняла: некоторые темы лучше при мне не обсуждать.

Мне хотелось думать, что дело в слухах. Может быть, пятнадцати лет недостаточно? Да-да, конечно. Именно из-за этого. А не потому, что в Оветте никогда ничего не изменится, сколько бы лет ни прошло.

Когда на въезде в Роуэн поезд начал снижать скорость, я разбудила Лиама, осторожно тронув его за локоть. Мой двоюродный брат зевнул, вытянул свои длинные ноги в проход и осторожно протер глаза. Выглянув в окно, он вскочил, и я последовала за ним, смеясь, зараженная его энтузиазмом.

Схватив сумки, мы направились в конец вагона, не обращая внимания на недовольные взгляды остальных пассажиров.

Мы провели в нашем родном Олмосе всего месяц, но, как только увидели друзей, встречающих нас на платформе, принялись кричать и махать в окно, будто не виделись годами.

Когда поезд остановился, я рывком открыла дверь и спрыгнула на перрон. Сара, такая же сдержанная, как и всегда, отошла в сторону, так что я свалилась прямо в объятия Ноя, который тут же закружил меня. Когда он наконец поставил меня на землю, я подняла взгляд, чтобы получше его рассмотреть, и коснулась его темных волнистых волос, которые уже доходили до плеч. Он улыбнулся и небрежно откинул прядь с лица.

— С этой гривой ты похож на южанина, — пошутила я.

— Есть вещи и похуже, Айлин, — ответил он с притворным драматизмом.

Толкнув его плечом, я повернулась к остальным. Итан спускал сумки Лиама из вагона, а Сара подошла помочь.

— Это несправедливо, Лиам, — заметила Сара, глядя на его бледные руки. — Ты загораешь на солнце и становишься все блондинистее и смуглее, а я просто покрываюсь веснушками и краснею как рак.

— Это все солнце Олмоса, — вмешалась я. — Если бы ты приезжала почаще, ты бы знала.

Сара наконец-то повернулась ко мне, и я воспользовалась возможностью коротко ее обнять.

— Ты скучала по мне?

— Я видела тебя месяц назад в Нирване, а сюда приехала только два дня назад, — ответила она.

— Ты скучаешь по мне, только когда ты здесь?

— Я скучаю по тебе, только когда я одна, — поправила она меня. — Итан и Ной приехали вчера вечером.

— Ну что, идем? — спросил Итан. — Вот-вот прибудет следующий поезд.

Было очевидно, что он применял магию, чтобы нести сумки, но ни я, ни брат ничего не сказали. Трое наших друзей были северянами, и мы привыкли к тому, как они использовали свою магию для повседневных мелочей. Кроме того, я не собиралась жаловаться, ведь он забрал две мои тяжеленные сумки и аккуратно погрузил их в поджидавший нас экипаж.

Мы положили багаж под сиденья, и Итан устроился спереди, а остальные сели сзади. Лиам помог Саре подняться к нам, поскольку она была одета в длинное платье типичного для Севера кроя.

Оглянувшись, я отметила, что сейчас здесь больше народу, чем обычно, но, прежде чем я успела что-либо сказать по этому поводу, заговорил Ной:

— Когда вы приступаете к работе? Уже завтра? — спросил он нас, как только экипаж тронулся с места.

— Я должен поговорить об этом с Ане, когда он приедет, но думаю, что да, — ответил Лиам, возясь с застежкой одной из сумок.

— Я в этом году не буду работать в теплицах, — сказала я. — Буду иногда приходить помогать, но планирую все время посвящать учебе, чтобы завершить диссертацию к следующему лету.

— Твои бабушка с дедушкой будут очень рады, правда? — хмыкнула Сара. — Ведь все наконец-то увидят, что тебе обязательно работать, чтобы припеваючи жить при дворе.

Я фыркнула и откинулась на спинку, закинув одну ногу на сиденье напротив. Бабушка с дедушкой по материнской линии опла-

чивали мое пребывание в Роуэне, хотя родители всегда настаивали на том, чтобы я работала и покрывала часть своих расходов самостоятельно.

— Да, представляешь, а то все только и думают, что, если я не буду работать, экономика всей Оветты рухнет, — проворчала я.

— Да, но твоя фамилия Данн, — вмешался Ной с легкой усмешкой, повторяя слова, которые слышал от меня тысячи раз до этого.

— Ага, но Даннам все равно приходится работать, — вставил свое замечание Лиам, не дав мне ответить. И тут же дополнил мысль: — А вот Данны-Тибо могут спокойно взять отпуск на год.

Я знала, что он это несерьезно, но все равно пихнула его локтем в бок.

— Я накопила денег, чтобы не работать в этом году, но, если понадобится, вернусь в теплицы, — поставила я жирную точку в нашей дискуссии.

— Ну а вы что? — спросил Лиам, меняя тему.

Сара драматично вздохнула в такт грохоту экипажа, разглаживая свое платье — такое же безупречное, как и ее аккуратно уложенная прическа.

— Я совсем без сил. Мы готовимся к открытию сезона, поэтому мне пришлось вернуться на прошлой неделе.

Еще в начале лета Сару перевели из Вспомогательного комитета в Социальный, и она не упускала ни единой возможности напомнить нам, насколько важна теперь ее роль на званых вечерах, проводимых при дворе. Мы все понимающе закивали.

— Какие мероприятия ты будешь организовывать? — спросила я ее.

— Кроме балльных танцев? Я помогу с Фестивалем урожая, хотя, конечно, основную роль в его организации играют южане. У нас нет ничего важного до дня Зимнего солнцестояния и годовщины основания Оветты. Предполагаю, что мне также придется немного помочь с Весенним фестивалем, но до него еще куча времени.

Я улыбнулась, зная, что на самом деле ей поручили готовить важнейшие мероприятия. Мы много подтрунивали над ней на эту тему, но в действительности я ею очень гордилась. Ной наклонился вперед:

— А что насчет спектаклей? В этом году представят больше постановок режиссеров с Севера?

Сара подняла брови, несколько сбитая с толку его вопросом. Итан молча оглянулся через плечо, ожидая ее ответа.

— Я не... не знаю, я не лезу в дела театра.

— Почему ты спрашиваешь об этом? — вмешалась я.

Ной откинул волосы с лица, и я увидела, что он с трудом сдерживает возбуждение.

— Речь идет о помилованиях. Твой отец вам об этом не рассказывал?

Я резко встала, поправляя юбку. Мой отец, мэр Олмоса, провел все лето разъезжая по стране и устраивая встречи с остальными мэрами и членами Совета.

— Он сказал, что все еще не точно. Они еще обсуждают этот вопрос.

— Что за помилования? — спросила Сара.

— Они хотят помиловать некоторых людей, участвовавших в Войне Двух Ночей, позволить им выйти из тюрем, — объяснил ей Ной.

Сара несколько секунд буравила меня своими ярко-зелеными глазами, а затем снова перевела взгляд на Ноя, как будто решая, какого мнения ей стоит придерживаться.

— Ладно... но прошло ведь уже много времени, разве нет?

Лиам, чья тетя погибла во время войны между Оветтой и Сагрой, нашим соседним государством, резко выдохнул. Сара сложила руки на коленях.

— Хотя... не знаю. Как это все вообще связано?

— Это символический жест, политический маневр, не более того.

Я заметила, как рука Лиамы, лежавшая рядом с моей, задрожала, и молча сжала ее.

— И ты думаешь, они уже начали раздавать помилования, чтобы успеть до приема в честь начала сезона? — продолжила расспрашивать Сара.

— По крайней мере нам так сказали, — ответил Ной.

Наверное, именно поэтому на станции было многолюднее, чем обычно: стало больше северян. Но я не решилась произнести это вслух, поэтому вплоть до самой деревни мы ехали в напряженном молчании. Лиам не отпускал мою руку, барабанил кончиками пальцев по тыльной стороне ладони.

Магазины по обе стороны главной дороги были заполнены людьми, и дети, еще не приступившие к школьным занятиям, носились по улице. Когда Ной поднял руку, приветствуя знакомого, я увидела проблеск цвета на его коже.

— Ной! Это акварель? — спросила я, беря его за запястье, чтобы получше разглядеть татуировку.

Он улыбнулся и задрал рукав рубашки, позволяя мне рассмотреть рисунок.

— Нравится?

Это были яркие цветные пятна, похожие на брызги краски. Магия подсвечивала некоторые фрагменты, как будто они все еще были влажными.

— Очень. Ты же всегда хотел себе татуировку. Кто ее набил?

— Я сам.

— Серьезно? — спросил Лиам с восхищением.

Ной кивнул, проведя рукой по рисунку, несколько смущенный таким повышенным вниманием. Он мог спокойно обсуждать политические вопросы с членами Совета, но все, что касалось художественной стороны его жизни, вызывало у него странную неуверенность в себе.

— Я начал делать наброски еще в прошлом году. Когда мой учитель по рисованию завершил курс по акварелям, он предложил

мне попробовать создать эскиз тату самостоятельно, и... я не знаю, мне понравилась сама идея. Что я могу сделать что-то настолько долговечное.

— Она прекрасна, — сказала Сара.

— Спасибо, — пробормотал Ной.

Лиам и Ной продолжили болтать о татуировках, пока мы бродили по докам за пределами деревни, наблюдая, как корабли загружают и разгружают палеты с товарами при помощи огромных кранов, управляемых магией. Моя мать объясняла мне, что корабли, ходящие по северным морям, в десять раз больше тех, что курсируют по рекам, но мне было трудно представить их размеры.

Точно так же мне было трудно представить, как вживую выглядит мост в Роуэне, пока я не увидела его своими глазами. Спустя столько лет я все еще чувствовала волнение, когда мы ехали по нему. Хотя я знала, что магия надежно удерживает его над рекой, я всегда испытывала странное облегчение, пересекая его.

И вот наконец посреди огромного луга мы увидели роскошный дворец. Столица Оветты была построена несколько веков назад на древней границе между Севером и Югом, подальше от набегов враждебных племен. Дворец никогда не был окружен крепостной стеной, поэтому, когда мы приблизились, я смогла увидеть главное здание, выложенное темным камнем, а также высокие башни, воздвигнутые позже, и даже самое новое крыло с огромными стеклянными окнами.

Впервые с тех пор, как я уехала учиться при дворе, у меня возникло странное чувство, что я вернулась домой.

* * *

Хотя теперь Сара работала и получала зарплату, она продолжала жить со мной. У нас была общая гостиная, но отдельные комнаты и санузлы; я любила наши вечера у камина, когда мы рассказывали друг другу о прошедшем дне, а иногда просто сидели в тишине.

Мы с Сарой познакомились на Севере. Ее семья родом из Нирваны, где жили мои бабушка и дедушка по материнской линии. Мы всегда довольно неплохо ладили, но, только попав во дворец и увидев, как сильно отличаемся от окружающих, стали по-настоящему неразлучны.

Тем не менее возвращение к нашим обычным будням было немного странным. Ной и Итан работали в Политическом подкомитете, а Сара занималась подготовкой приема в честь начала сезона. Мне же, привыкшей трудиться в теплицах, чтобы жить в Роуэне, было сложно освоиться с роскошью свободного времени, которое я теперь могла посвящать учебе.

Я решила немного передохнуть от зубрежки, поэтому встала, чтобы полить и подрезать растения. В этот момент в дверь моей комнаты постучал Лиам. Я поняла, что это он, по характерному постукиванию костяшек пальцев, поэтому даже не обернулась.

— Заходи, — бросила я ему.

Лиам приоткрыл дверь и заглянул в проем:

— Ты одета? Я тут не один.

— Да, расслабься, — закатила я глаза.

Лиам распахнул дверь, и я увидела рядом с ним девушку. Она выглядела немного младше моего двоюродного брата. Вероятно, ей было лет пятнадцать. На ней была коричневая юбка с зеленым узором, ее волосы обхватывала оранжевая лента с цветами, конец которой спадал на спину. Я улыбнулась, почувствовав, что в комнате будто запахло садами Юга. Когда я в последний раз надевала ленту с цветами? Я уже и не помнила.

— Привет, меня зовут Айлин.

— Клавдия.

— Клавдия только что прибыла во дворец, — объяснил мне Лиам, проводя рукой по своим светлым, как всегда растрепанным волосам. — Она будет работать со мной в теплицах. Клавдия также хотела бы участвовать в работе Политического подкомитета,

но перед этим ей в любом случае придется пройти вводное обучение.

Я сдержала улыбку и поставила лейку рядом с огромным цветочным горшком.

— Она ведь может сама все рассказать?

Лиам покраснел и посмотрел на Клавдию.

— Прости, пожалуйста, я совсем заболтался...

— Да ничего страшного, — проговорила Клавдия с мягкой улыбкой.

— Хотите чайку?

— Да, конечно, я поставлю чайник, — пробормотал Лиам и спешно ретировался из моей комнаты.

— Да у тебя тут целая оранжерея. — Клавдия оглядела мою комнату.

Она подошла к стене, увитой зелеными лианами. У меня не было растений с цветками, поскольку из-за плохой вентиляции воздух стал бы слишком спертый от их аромата; но мне нравилось сидеть у этой стены, лицом к окну. Так мне казалось, что я в собственном саду.

— Они не вянут зимой?

— Их согревает тепло камина.

— Ясно.

Я немного нахмурилась, поняв, что она хочет сказать что-то еще, но как будто не решается.

— Что такое? Ты считаешь, что их не стоит держать взаперти?

— Нет, нет... просто... я не знаю, я не разбираюсь в лечебных травах или в чем-то подобном, я просто думала, что ты будешь использовать свою магию в теплицах, для общественных нужд...

Меня уже давно не обвиняли в пустой трате магических сил, поэтому я не знала, как реагировать на ее слова. К счастью, Лиам позвал меня из гостиной, и я с облегчением оставила этот разго-

вор. Хорошо еще, что она не видела мою коллекцию негаснущих свечей. Что бы она, интересно, сказала о ней?

Пока Лиам расставлял чашки на столе, Клавдия осматривала наше жилище. Гостиную обставляла Сара, и она контрастировала с моей минималистичной спальней: здесь стоял стол с резными ножками, а стулья были обиты синей тканью в тон диванам.

— Я позову Сару, — сказала я, проигнорировав гримасу Клавдии.

Сара, которая, должно быть, слышала голоса, открыла, едва я постучала в ее дверь.

— Чайку не желаешь? — спросила я с насмешливой улыбкой.

— Я как раз собиралась заварить себе чаю! — воскликнула она, выходя из комнаты. — Ой, у нас гости.

Сара и Клавдия буравили друг друга взглядами, пока Лиам их представлял. Было несложно догадаться, что они невысокого мнения друг о друге.

— Лиам говорил, что твой отец — мэр Данн из Олмоса, — сказала Клавдия, помешивая чай.

— Да, уже шесть лет, он на посту второй срок подряд.

— Ага. Но ты не в Политическом подкомитете?

Я попробовала поймать взгляд Лиамы, но тот не сводил глаз с Клавдии.

— Нет.

— Я много раз пыталась заставить ее вступить в Социальный комитет, — сказала Сара. — Но все без толку.

Клавдия выдавила из себя подобие улыбки:

— Не уверена, что эти комитеты можно сравнивать.

Я не могла понять, намеренно ли Клавдия ведет себя грубо или это простое невежество. Не все осознавали значимость Социального комитета и его влияние на политику Оветты, поэтому я решила вмешаться, прежде чем Сара успела бы обидеться.

— Мне нравятся оба этих комитета, — солгала я. — Но у меня нет времени участвовать в их работе.

— Айлин пишет диссертацию на тему «Системы образования», — объяснил ей Лиам.

— Ты хочешь стать преподавателем?

— Нет, — ответила я. — Я не столько изучаю дисциплины сами по себе, скорее... исследую, как разные предметы преподаются в разных местах. Я с Юга и училась в школе в Олмосе, но приехала во дворец, чтобы продолжить обучение, так как моя мать с Севера и я хотела изучить те же вещи, что и она.

— Например, как тратить растения на красители для тканей? — спросила Клавдия, глядя на мою пастельно-желтую юбку.

— Еще чаю? — спросила Сара у Лиамы, стараясь любой ценой избежать споров, особенно на тему политики.

Лиам кивнул, поднося фарфоровую чашку поближе к Саре.

— Не любое использование красителей является расточительством, — возразила я. — В жизни не все черное или белое, Север или Юг. Ты приехала в Роуэн совсем недавно, но скоро сама в этом убедишься.

У Клавдии хватило благоразумия промолчать, и, как только мы допили чай, они с Лиамом ушли. Сара молча посмотрела на меня, все еще держа свою чашку в руках. Я встала и начала убирать со стола, хотя игнорировать ее взгляд, прожигающий дыру в моей спине, было довольно непросто. Наконец я повернулась к ней:

— Ну что?

Сара пожала плечами.

— Да нет, ничего. Похоже, твоему двоюродному брату она понравилась, — сказала Сара с легкой улыбкой.

— По крайней мере он больше не будет самым южным человеком во всем дворце, — ответила я. — Но я надеюсь, что вскоре Клавдия научится вести себя сдержаннее, потому что с таким отношением... вряд ли она заведет в Роуэне много друзей.

Я нахмурилась, уставившись на чайник, и у меня появилось странное чувство, что я уже слышала эти слова раньше.

Сара ушла в главный зал, когда я еще приводила себя в порядок. На самом деле мне необязательно было идти на бал, но, во-первых, я хотела поддержать Сару, а во-вторых, приемы в честь открытия сезона всегда были довольно интересными. Все обсуждали, когда кто приехал в Роуэн и на сколько, кто с кем был знаком и прочее и прочее. Все это занимало меня меньше, чем моих друзей, но, по крайней мере, на приеме подавали вкусную еду.

Я вошла в огромный главный зал, не обращая особого внимания на людей вокруг. Я знала, что Сара подойдет ко мне, как только закончит свои дела в Социальном комитете, поэтому сразу отправилась на поиски напитка, чтобы немного скоротать время.

Осторожно пробираясь сквозь толпу, я пыталась не наступить на пышные платья северянок. Я сама надевала такие на официальные приемы, но для многолюдного бала выбрала скромное платье в южном стиле, длиной ниже колена.

Может быть, именно поэтому мне было странно ощутить чье-то прикосновение к спине. Казалось, будто кто-то липкими руками провел по моей коже. Однако, когда я резко обернулась, рядом никого не было. Несколько мгновений я стояла неподвижно, пока кто-то не потребовал, чтобы я отошла в сторону. Неуверенно ступая, я, сама не зная почему, направилась к огромным окнам. Но на полпути остановилась, услышав странные шаги, гулом отдающиеся у меня в голове. Оглянувшись, я заметила человека, стоящего ко мне спиной, которому как будто принадлежали эти шаги. Я попыталась пробраться к нему сквозь толпу, но в этот момент ко мне подошла Сара.

— Айлин! Я уже закончила.

Я почувствовала, как она положила руку в перчатке на мое предплечье, а затем обнаружила в собственной руке бокал с вином, взявшийся из ниоткуда. Сделав шаг назад, я попыталась успокоиться.

— Что это мне подсунули? — наконец спросила я Сару, поднимая бокал, чтобы понюхать его содержимое.

— Что случилось? Тебе кажется, в вино что-то подмешали? — спросила она, отнимая у меня бокал, чтобы попробовать жидкость.

— Нет... я не знаю, у меня такое чувство... такое странное чувство...

Я повернулась к мужчине, к которому шла до этого, и обнаружила, что он стоит на том же месте, спиной ко мне.

— Мне кажется, это сделал он. Какое-то заклинание или что-то типа того... Кто это?

В этот момент незнакомец повернулся, оглядываясь по сторонам. Когда его холодные голубые глаза встретились с моими, он посмотрел на меня не мигая, и эта пара секунд казалась мне вечностью. Затем он моргнул, окинул меня взглядом с ног до головы, нахмурился и повернулся к своим спутникам.

Я с подозрением подняла брови.

— Кто этот придурок? — шепотом спросила я Сару.

— Лютер Мур. Его только что назначили.

— Мур? Из рода Муров из Луана? — спросила я, разглядывая его.

На нем был элегантный костюм с длинным пиджаком и атласным жилетом, и его окружали другие северяне. Он повернулся, чтобы поговорить с одним из них, и я смогла лучше рассмотреть его лицо, обратив внимание на прямой нос и выступающую челюсть. Светлые волосы были коротко подстрижены по бокам, а длинные пряди посередине зачесаны назад.

Сара фыркнула и оглядела людей вокруг, хотя из-за стоящего в зале гула нас все равно никто не мог услышать.

— Его выгнали, когда началась война, — тихо сказала она мне. — А сейчас Совет помиловал его первым.

Я снова посмотрела на него краем глаза, на этот раз с большим презрением. На вид ему было около тридцати лет — значит, к началу Войны Двух Ночей ему едва исполнилось двадцать. Может быть, именно поэтому его только выгнали из дворца, а не отпра-

вили в ссылку, как остальных. Или, может, все дело в том, что он принадлежал к одному из богатейших родов Оветты.

— Что ж, думаю, он воспользуется этим шансом. Пойдем найдем Лиам.

Мы нашли моего двоюродного брата с Клавдией и несколькими его друзьями из Политического подкомитета. Как и многие из присутствующих на приеме, они спорили о помилованиях.

— Айлин, пожалуйста, поддержи меня, — взмолил Лиам, когда увидел, что мы приближаемся.

Ну что такое! Со дня нашего возвращения во дворец мы уже несколько раз затрагивали эту тему.

— На каком этапе обсуждения вы сейчас находитесь? Уже дошли до той части, когда за одну ночь погибли тысячи людей...

— ...Не имея возможности ни защитить себя, ни сдаться, — Итан и Ной хором продолжили мою фразу.

— Ну, тогда я не знаю, какие еще аргументы вам нужны.

— Если вы намерены повторять одно и то же снова и снова, мне нужно еще вина, — объявила Сара, отходя в сторону.

— Неважно, сколько раз мы это повторим, прошло уже пятнадцать лет, — сказал Ной.

Итан кивнул, но ничего не добавил.

— И эти люди сейчас менее мертвы, чем пятнадцать лет назад? — запротестовала Сара.

— Помилованных там даже не было! Кроме того, большинство из них не собираются сейчас возвращаться в столицу: у них уже давно есть своя жизнь за ее пределами, и они не хотят вновь участвовать в политических играх!

— Конечно, потому что помилования были дарованы вовсе не из политических интересов, — настаивала Клавдия.

— Просто пришло время восстановить равновесие, — откликнулся Ной.

Я тяжело вздохнула и поднесла бокал к губам, но вино давно нагрелось. Внезапно у меня пропало желание в сотый раз повторять

один и тот же постулат о том, что Север должен вернуть себе хоть какую-то власть и что Юг воспользовался событием пятнадцатилетней давности, чтобы навязать свои убеждения всей стране... Мне стало тоскливо, поэтому я извинилась и отошла. Я посмотрела на Сару, стоявшую у одного из столиков с напитками.

— Не понимаю, почему тут не наливают пиво, — пожаловалась я.

Мгновение я колебалась с бокалом в руке, но в конце концов предпочла охладить вино одним движением пальцев, а не брать новый напиток. Сара притворилась, будто не заметила, как я использовала магические силы для столь обыденного дела, и стала наблюдать через плечо за нашими друзьями.

— Они не устали препираться?

Я сделала большой глоток вина и фыркнула.

— Нет. С Клавдией вообще невозможно закончить спор: у нее всегда найдется что сказать.

Сара мгновение смотрела на меня, прикусив нижнюю губу.

— Она мне кое-кого напоминает, — наконец сказала она.

Я драматично поднесла руку ко лбу:

— Я такой никогда не была.

— Да, ты всегда умела сдерживаться, но раньше была намного более политически ангажированной, — хмыкнула она.

Я поняла, что она имеет в виду, и повертела бокал в руках, обдумывая ее слова. Неужели я действительно так сильно изменилась с тех пор, как приехала в столицу? Верно, мне пришлось адаптироваться к жизни в Роуэне, где было столько разных людей, но это не значит, что я стала другой, правда?

Сара, должно быть, угадала мои мысли, потому что тут же положила руку мне на плечо.

— Я не говорю, что это плохо! — успокоила она меня. — Просто раньше ты гораздо больше говорила о подобных вещах и все время ругала меня за то, что я слишком часто использую магические силы в обычной жизни, а теперь одеваешься как хочешь и занимаешься чем хочешь...

— У Клавдии было такое же выражение лица, когда она поняла, что я использую магию, чтобы вырастить растения дома.

Сара поджала губы:

— Какая разница, что говорит Клавдия.

Я покачала головой:

— Дело не в том, что мне важно ее мнение, просто... я не могу перестать думать обо всем этом, понимаешь? И я даже не владею полной информацией обо всех этих помилованиях.

— Но в этом нет твоей вины. Ты же не можешь быть в курсе всего и вместе с тем продолжать учебу и работать в теплицах...

— Я уже не работаю в теплицах, — отмахнулась я.

Мы долго смотрели друг другу в глаза, и я почувствовала, что Сара боится сказать лишнее.

— Ты не знаешь, когда следующее собрание Политического подкомитета? — наконец спросила я.

Сара вздохнула:

— Полагаю, послезавтра днем.

Я кивнула, и мы снова замолчали. Не знаю, было ли это из-за гула вокруг или из-за нашего разговора, но мое беспокойство только усиливалось, поэтому я решила попрощаться с Сарой и отправиться в свою комнату.

Однако и там чувство тревоги не исчезло. Возможно, оно возникло из-за неопределенности грядущих перемен. А может, все было из-за вина или из-за того странного северянина и его чар.

В конце концов я решила зажечь пару успокаивающих свечей, и через некоторое время мне удалось уснуть.

* * *

В одиннадцать часов утра раздался стук в дверь. Я знала, что Лиам не станет стучать и просто войдет, а других гостей я не ждала, поэтому не потрудилась поднять глаза от своих записей.

— Сара! Дверь! — крикнула я.

Я услышала, как она вышла из спальни и пересекла гостиную.

— Доброе утро. Вы сеньорита Айлин Данн?

Заметив, что голос Сары звучит странно, я подошла к своей двери, чтобы послушать.

— Нет, меня зовут Сара Блейз.

— Прошу прощения, мне сказали, что Айлин живет здесь.

— Да, все верно, мы соседки.

После минутного молчания незнакомец снова заговорил:

— А сеньорита Данн сейчас тут?

— Да, прошу прощения. Проходите, сеньор Мур.

Я замерла на мгновение, а когда поняла, кому принадлежит это имя, рывком открыла дверь. Лютер Мур стоял посреди нашей маленькой гостиной, оглядываясь по сторонам. Он, как и накануне, был одет в костюм, типичный для северянина: жилет и пиджак разных оттенков синего с серебряными пуговицами.

Услышав, как я вошла, он повернулся ко мне с теплой улыбкой. На мне была широкая фиолетовая юбка ниже колен, высокие сапоги и белая блузка. Южный стиль, но северные цвета.

— Айлин Данн? — обратился он ко мне.

— А вы?..

— Лютер Мур. Семья Тибо наняла меня, чтобы я консультировал их по определенным вопросам.

— Оу.

Итак, Лютер Мур оказался экспертом по методам развития магических сил, которыми также владели мои бабушка с дедушкой. Я знала, что это должен быть кто-то с Севера, но не ожидала кого-то настолько... северного.

— Если только вы не передумали, сеньорита Данн.

У меня возникло искушение сказать ему, что я передумала, но я месяцами искала кого-нибудь, кто научил бы меня северным приемам, и, если бы отказалась, возможно, мои бабушка и дедушка не прислали бы никого другого.

— Зовите меня просто Айлин, — наконец ответила я.

Лютер кивнул.

— А ты в таком случае зови меня Лютер. Если нам предстоит работать вместе, можем отбросить формальности.

Я кивнула, не зная, что еще сказать.

— Ну хорошо, я просто зашел, чтобы представиться и узнать, можем ли мы начать завтра.

— Да, конечно.

— Тогда увидимся в девять в фехтовальном зале.

— Договорились.

И, больше ничего не добавив, он вышел из комнаты.

— Лютер Мур! — воскликнула Сара, как только за ним закрылась дверь.

— Лютер Мур, — повторила я шепотом.

— И вы будете работать вместе! — хихикнула она, играя бровями.

Я тоже рассмеялась и плюхнулась на диван.

— Можно быть бóльшим северянином, чем он? У него даже волосы зачесаны назад, — сказала я Саре.

— Эй! У моего отца такая же прическа.

— О том и речь!

Сара шутливо кинула в меня подушку. Я бросила ее обратно, но та лишь пролетела над головой Сары, что вызвало у нас взрыв смеха.

— Ты же будешь хорошо себя вести? — спросила она, будто обращаясь к пятилетнему ребенку.

— Я всегда хорошо себя веду, — возразила я. — Это он ведет себя паршиво и бросает на меня эти презрительные взгляды.

— Возможно, дело в твоих нарядах...

— Даже не начинай, — предупредила я ее.

Она подняла руку в знак примирения, и на этом наш диалог завершился.

2

Я потратила кучу времени, решая, что надеть, и очень злилась из-за этого. Я привыкла к осуждающим взглядам новичков во дворце, с удивлением изучавших мои наряды. Не то чтобы меня волновало, что думает обо мне Лютер Мур. Абсолютно не волновало. Скорее, я хотела вести себя естественно, но совершенно забыла, как это делается. Мне не терпелось одеться как южанка, чтобы позлить его, но правда была в том, что мой гардероб представлял собой смешение стилей Севера и Юга. Иногда я надевала элегантные яркие платья, а порой предпочитала шерсть и хлопок приглушенных оттенков. Я привыкла выбирать одежду в соответствии с настроением, с которым просыпалась каждое утро, не более того.

В конце концов я решила надеть что-то практичное. Поскольку я понятия не имела, что мы будем делать, а встречу он назначил в фехтовальном зале, я выбрала светлые брюки и песочную блузку. Глаза подвела колем*, а волосы распустила. Взглянув на себя в зеркало, я почувствовала, что теперь смогу противостоять Лютеру Муру и его предрассудкам.

Когда я вышла из комнаты, Сара удивленно выдохнула. Она сделала вид, будто не ждала меня, закрыла книгу, которую держала в руках, и оглядела меня с головы до пят.

— Мне нравится. Очень в твоем стиле.

* Древнее косметическое средство черного цвета, обычно используемое для подводки глаз. По текстуре своей напоминает пудру.

— Спасибо.

Я знала, что это не комплимент, но решила воспринимать ее слова именно так.

— Пожелай мне удачи, — сказала я, выходя из комнаты.

— Веди себя хорошо!

Чтобы попасть в фехтовальный зал, мне пришлось пересечь весь дворец. Подойдя к месту, я взглянула на часы — ровно девять. Я знала, что Лютер, как и любой северянин, пунктуален, поэтому вышла вовремя. Тем не менее меня опередили.

— Добрый день, — поприветствовала я его, входя в зал.

Это была длинная комната с зеркальными стенами и шкафами по бокам, где хранились маски и другое снаряжение. Лютер, стоявший в центре зала, повернулся ко мне и сверился со своими карманными часами. Он уже снял куртку и оставил ее на вешалке.

— Добро пожаловать, — сказал он, махнув рукой, и дверь за моей спиной захлопнулась.

Я нахмурилась, отметив про себя, как расточительно он использует магические силы, но он, похоже, этого не заметил.

— Начнем. Подойди ближе.

Я не спеша сняла пиджак и повесила его рядом с курткой. Затем пересекла огромную комнату и встала напротив Лютера. Все это время он наблюдал за мной, заложив руки за спину.

— У тебя когда-нибудь был учитель с Севера? — спросил Лютер.

— Нет, только столичные инструкторы: в Роуэне не было учителей с Севера с тех пор, как... с тех пор, как я здесь, — поправила я себя в конце.

Со времен Войны Двух Ночей в столице не потерпели бы ни одного учителя-северянина, но я предпочла не упоминать это.

Лютер драматично вздохнул.

— Значит, ты совсем ничего не умеешь, — вынес он вердикт.

— Ну, я прочитала о северных приемах все, что есть в библиотеке, и инструкторы кое-чему меня научили.

— Нет, я говорю не о приемах... Как они их теперь называют? Техниками? Я имею в виду только то, что действительно имеет значение: магию и ничего больше.

Я скрестила руки на груди, подняв брови:

— Ты хочешь сказать, что я ничего не знаю о магии?

— Откуда она взялась?

— Из природы.

— Откуда ты знаешь? Это не было доказано.

Я несколько раз моргнула, сбита с толку. Север и Юг по-разному смотрели на магию, но никто не отрицал ее естественное происхождение.

— Как ты используешь свою магию? — продолжил Лютер.

Я щелкнула пальцами, и в воздухе закружились сиреневые искры.

— Нет, я не хочу, чтобы ты мне показывала. Расскажи мне.

— Я использую ее, воздействуя на окружающие меня предметы. Не касаясь их, заставляю перемещаться, залечиваю раны, ускоряя их заживление.

— Но каким образом ты это делаешь? — перебил он.

Я набрала побольше воздуха в легкие, устав от его настойчивости.

— О чем ты говоришь?

— В других странах магию применяют иначе, чем у нас. Например, в Дайанде продолжают использовать предметы, чтобы направить магический поток, в то время как в Оветте мы полагаемся на жесты и нашу волю. Мы решаем, что хотим делать с магией в нашем сознании и направляем ее с помощью тела, верно?

— Да, потому что между нами и природой нет посредников.

Лютер насмешливо улыбнулся:

— Это исключительно южное суеверие. Такое же, как толки о происхождении магии или отказ от использования так называемой темной магии.

— Это не суеверия, а убеждения, это разные вещи, — возразила я с обидой. — И я что-то не заметила, чтобы ты сам пользовался предметами для вызова магии.

— Да, действительно. В любом случае все мы используем магию интуитивно, верно?

Я заправила прядь волос за ухо и кивнула.

— Точно так же те, кто получил образование на Севере, имеют базовые знания о наших приемах; однако это скорее практические навыки, они не смогут объяснить, что именно происходит.

— Как же им тогда удастся овладевать заклинаниями?

— Это нечто врожденное. Как... речь. Мы осваиваем родной язык, когда учимся говорить, но нужно быть лингвистом или преподавателем, чтобы научить говорить на нем кого-то другого, объяснить, как использовать те или иные выражения или интонации.

Я снова молча кивнула, наконец поняв, к чему он клонит.

— Вот почему я думаю, что, может быть, мне удастся научить тебя пользоваться этими приемами. Возможно, не в чистом виде, но этого будет достаточно, чтобы ты приблизительно поняла, как они работают. Поначалу тебе будет сложно, потому что у тебя уже есть определенная база. Нам придется ее немного скорректировать, но, думаю, ты переняла определенные навыки у своей матери. У членов семьи Тибо всегда был большой талант к использованию магии.

— И к злоупотреблению ею, — не выдержала я.

Лютер на мгновение задумался, прежде чем ответить, и заглянул в мои глаза:

— Что есть злоупотребление? Кто решает, когда магии слишком много?

— Это и так всем ясно.

— Правда? Дети, которые недостаточно используют магию, учатся контролировать свои магические силы гораздо хуже, чем

остальные. Что, если бы они вообще перестали прибегать к магии? Говорят, есть места, где магии больше нет, где люди потеряли связь с ней. С нами может случиться то же самое.

Я фыркнула, стараясь не рассмеяться. Ответа была страной, сильно изолированной от окружающего мира, и иногда люди любили фантазировать о том, что происходит за границей.

— Да брось, это как если бы ты беспокоился о том, что перестанешь дышать, — ответила я. — У всего есть свой ритм: если будешь дышать слишком быстро или слишком глубоко, то голова закружится.

— Но если удержишь дыхание на слишком долгий промежуток времени — тоже. Скорее, это зависит от физиологических особенностей каждого отдельного человека, разве нет?

— Ну, в случае с магией это зависит от того, на каком берегу реки ты родился.

Через мгновение Лютер улыбнулся с некоторой долей снисходительности:

— Я забыл, каково это — разговаривать с южанами на такие темы.

Я хотела ответить, что легко было забыть об этом, если живешь в маленькой северной деревне, вдали от столицы, но вовремя сдержалась и сменила тему:

— Где ты научился северным приемам? В школе?

Лютер небрежно расправил манжету рубашки, избегая моего взгляда.

— Нет, меня научил отец.

На Севере семьи чаще всего нанимали частных преподавателей, которые обучали их отпрысков магии, но лишь упертые традиционалисты совсем запрещали детям ходить в школу и учили их на дому. Я решила не вдаваться в подробности, понимая, что это нечто сугубо личное. Лютер отошел в сторону и стал расхаживать взад-вперед.

— Первое, что тебе нужно знать, — для чего именно предназначена эта техника. Мы стремимся разблокировать доступ к твоей магии, чтобы ты могла напрямую черпать ее из источника, а это, в свою очередь, позволит нам расширить границы твоих сил.

Я прикусила губу, пытаясь сдержать вопрос, но не смогла:

— Разве это не опасно?

— Не больше, чем бегать часами трусцой без разминки. Если ты слаба и используешь магию необдуманно, не прислушиваясь к себе, в конце ты заплатишься за это.

Все это совпадало с тем немногим, что я знала о темной магии, но, прежде чем я смогла что-либо сказать, Лютер продолжил:

— Важно то, что, если ты будешь все делать правильно, тебе удастся улучшить качество своей магии, сделать ее более эффективной, ты достигнешь невероятных результатов.

— В книгах писали иначе. Я думала, что это больше связано с... с самим способом творить магию. С видом используемых заклинаний.

— Это я и имел в виду, когда говорил, что это нечто врожденное. Большинство людей используют магию в повседневной жизни, однако только те, кто применяет ее для достижения специфических целей, изучают магию как отдельную дисциплину. Это все равно что... найти идеальный ритм для той магии, которую ты хочешь творить. Например, скрипач способен чувствовать ритм музыки в магии, которая течет в его теле. Ремесленник точно знает, как воздействовать с помощью магии на сырье, чтобы получить тот результат, который ему нужен. Воин способен предугадать движения своего противника и знает, как тот перемещается, даже если не видит его.

Именно эти слова вернули меня к реальности. Я слушала его как зачарованная, но не могла не думать о том, что он, должно быть, использовал боевую магию во время войны. Я не могла забыть, кто он такой.

— Вот почему мы находимся в фехтовальном зале, — продолжил Лютер, не обращая внимания на изменившееся выражение моего лица. — Мы попробуем разные магические приемы, чтобы посмотреть, что у тебя получается лучше всего. Сейчас я хочу увидеть, как ты налаживаешь связь со своими внутренними магическими силами.

Он махнул рукой, что снова заставило меня нахмуриться, и тяжелые шторы на окнах начали закрываться. Прежде чем мы погрузились в темноту, Лютер снял со стены канделябр, зажег свечи и заставил их левитировать рядом с нами, создавая несколько зловещую атмосферу.

— Я хочу, чтобы ты закрыла глаза и расслабилась.

Я набрала в легкие воздуха и медленно выдохнула. Мне было бы довольно сложно расслабиться, когда Лютер так открыто использовал магию, — в моей голове сновали сонмы мыслей.

— Айлин, — сказал он с нажимом. — Закрой глаза.

То самое чувство. Когда я впервые услышала, как он зовет меня по имени. Я видела мерцание свечей сквозь веки. Их свет был мягким и успокаивающим.

— Сделай глубокий вдох. А теперь выдохни и через несколько секунд опять вдохни.

Его голос стал тише, он велел мне опустить руки вдоль тела и постараться очистить разум. Я молча повиновалась.

— Ты создана из плоти и крови, — прошептал он мне на ухо. — Почувствуй, как твоя кровь бежит по телу, как сердце качает ее по всему твоему организму...

Я ощущала биение сердца в ушах, на кончиках пальцев.

— Ты сделана из дыхания. Дыши медленно и чувствуй, как твой пульс замедляется.

Я сосредоточилась на своем дыхании, сдержанном и неторопливом.

— В твоей крови течет магия — магия, из которой ты создана. Почувствуй это, — закончил он у моего уха.

Теплое дыхание Лютера на коже вызвало у меня мурашки. И вместе с тем я явственно ощутила, как поток магических сил течет по моему телу. Циркулирует по венам, плоти, коже. Пульсирует на кончиках пальцев, в такт биению сердца.

— Открой глаза и выпусти ее.

Я снова подчинилась голосу Лютера, чувствуя себя как во сне. Магия заполнила меня, и единственное, о чем я могла думать, — это о том, как она течет по моему телу, как это течение заменяет собой все другие ощущения.

— Айлин, — снова услышала я за спиной. — Выпусти ее.

Я подняла правую руку и направила ее на самый дальний канделябр, зажигая все свечи на нем. Затем — на следующий. И следующий. Я зажигала все свечи, один канделябр за другим, пока комната не осветилась так, как будто это главный зал. По моим венам теперь текла только кровь — и ничего больше.

— Все в порядке?

Я кивнула, рассматривая свои руки. Они казались совершенно обычными, сложно было поверить в то, что буквально секунду назад они исторгли мощнейший поток магии.

— Как ты себя чувствуешь?

Я посмотрела на Лютера, моргая, и откашлялась, чтобы восстановить голос.

— Хорошо, — ответила я. — Хорошо. Нормально.

— Ты устала?

— Нет, нет, это... странно. Я чувствую себя нормально. Но в то же время кажется, будто... я изменилась.

Я знала, что мои слова не имеют смысла, хотя Лютер, похоже, понял меня, потому что улыбнулся.

— Возможно, ты более талантлива, чем я ожидал, — ответил он. — В конце концов, в тебе течет кровь семьи твоей матери.

Я хотела возразить ему, сказать, чтобы он прекратил принимать южное происхождение моего отца, но все еще чувствовала себя странно и поэтому промолчала.

— На сегодня все. Увидимся через три дня?

Я кивнула, наблюдая, как он выходит из зала. Все еще погруженная в свои мысли о нашем занятии, я подошла к окнам, чтобы раздвинуть шторы, а затем задула все свечи одну за другой.

* * *

Я так долго не посещала заседания Политического подкомитета, что даже те, кого я едва знала, были рады видеть меня.

Подкомитет имел фиксированное количество членов с правом голоса. Его участники проводили большую часть времени в дебатах и дискуссиях, а также готовили отчеты и предложения для Политического комитета, который уже имел право принимать решения. Когда речь шла о подготовке предложений и отчетов, выступали только члены Политического подкомитета, но любой желающий мог участвовать в дебатах. Именно дебаты были обязательным условием для вступления в ряды Подкомитета.

Несмотря на кажущуюся серьезность, встречи на самом деле обычно представляли собой жаркие споры, которые велись зачастую с бокалом горячительного напитка в руке. Здесь я узнала, насколько ошибочны некоторые из моих представлений о том, как принимаются политические решения, и это помогло мне понять истоки традиций Севера, о которых мы никогда не говорили дома. Дело в том, что моя мать, хоть и была северянкой, с юности следовала южным обычаям. Это было одной из причин, по которой семья лишила ее наследства до войны, и только с окончанием конфликта они помирились.

В тот день, конечно, все спорили о помилованиях, и, несмотря на повторяющиеся аргументы обеих сторон, я была рада, что пришла. После того как самый громкоголосый оратор несколько раз повторил, что после войны с Сагрой власть сместилась на Юг, что необходимо восстановить баланс сил, что мертвые все равно останутся мертвыми, Ной наконец-то привнес в дискуссию что-то новое.

— Микке и ее люди все еще на острове, верно? — сказал он вдруг с другого конца стола.

Остальные замолчали и повернулись к нему. Хотя в подкомитетах не было председателей, все всегда прислушивались к Ною.

— Они не собираются возвращаться из ссылки, — продолжил он, окидывая взглядом всех присутствующих. — Никто их не помилует, потому что именно они приняли то решение казнить тысячи людей в Сагре. С этим никто не спорит.

Лиам посмотрел на меня краем глаза, и я разозлилась, почувствовав, что краснею. Мы продолжали молчать, ожидая «но», которое должно было возникнуть после упоминания вещей, не обсуждаемых нигде, тем более в столице. Микке, ее изгнание и все, что произошло во время войны, были полностью запретными темами.

— Тем не менее на Востоке ходят слухи. И если они окажутся правдой, нам понадобится помощь людей, которые были вовлечены в войну, тех, кто имеет хоть какое-то представление о происходившем тогда.

— Какие слухи? — спросила девушка, сидящая рядом с Итаном. Мой друг скрестил руки и уставился в стол.

— Использование темной магии на границе с Дайандой, — ответил Ной. — Попытки повторить заклинание, созданное Микке.

За сказанным последовали несколько долгих секунд молчания.

— Попытки... попытки с чьей стороны? — спросил парень с дальнего конца стола.

— Со стороны Дайанды.

— Но это невозможно! — яростно вскрикнул Лиам. — Только Микке знает заклинание, и даже ей потребовались годы и годы практики, чтобы совершить то, что они сделали той ночью.

Ной пожал плечами.

— Я лишь рассказываю вам то, что слышал. Сагра и Дайанда веками совершали набеги на наши границы, и даже Война Двух Ночей не может остановить их навсегда. Люди напуганы, а пра-